

Ева Арк

**ТРИ ЛИЛИИ БУРБОНОВ.
ЕЛИЗАВЕТА**

УДК 82-3
ББК 84-4
А82

А82 **Арк Е.**
Три лилии Бурбонов. Елизавета / Ева Арк – М.: Литнет, 2026. – 164 с.

ISBN 978-5-524-00607-3

Елизавету Бурбон можно назвать королевой «без страха и упрёка». Француженка по происхождению, она ставила интересы Испании превыше всего и мирилась с изменами мужа, короля Филиппа IV. Вот только простила ли она ему убийство графа Вильямедьяны – своего рыцаря, который осмелился открыто заявить о своих чувствах к королеве?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00607-3

© Литнет, 2026

© Е. Арк, 2026

Глава 1. Мадам

Когда 22 ноября 1602 года во дворце Фонтенбло Мария Медичи, королева Франции, произвела на свет дочь, то горько разрыдалась. Во-первых, ей напророчили, что у неё будет подряд три сына, а пока за год до того она родила только одного. Во-вторых, появление на свет второго принца упрочило бы её положение и выбило бы оружие из рук ненавистной Генриетты д'Антраг, очередной фаворитки её мужа, которая тоже была на сносях.

– Я хочу иметь только сыновей, а эту девчонку лучше всего было бы утопить! – якобы даже заявила Мария в сердцах.

Тогда король Генрих IV Бурбон попытался подбодрить жену шуткой, что дочь – это тоже неплохо:

– Если бы вы не принадлежали к тому же полу, то никогда не стали бы королевой Франции!

И пообещал «сделать» ей других детей. Забегая вперёд, скажем, что обещание своё он выполнил: всего Мария Медичи родила трёх принцев и трёх принцесс.

Однако вернёмся к её старшей дочери, которую называли Елизаветой. Это имя предложила крёстная девочки, инфанта Изабелла Клара Евгения, правительница Испанских Нидерландов. Дело в том, что так звали её мать, французскую принцессу из рода Валуа, правившего во Франции до Бурбонов. Обе эти ветви принадлежали к славной династии Капетингов, о чём свидетельствовал их общий герб: три золотых лилии на синем щите (хотя, кажется, у Валуа их было больше). Поэтому принцесс, с рождения носивших звание «дочерей Франции», часто сравнивали с этим изысканным цветком. Вдобавок, как старшая из сестёр, Елизавета получила титул «Мадам».

С детства отличаясь скромностью и застенчивостью, она не любила позировать художникам. Тем не менее, сохранилось

несколько портретов юной Елизаветы кисти придворного художника Франса Пурбуса Младшего. Её ясные, карие глаза, отливающие бронзой каштановые волосы и руки с изящными, длинными пальцами свидетельствуют о том, что принцесса унаследовала красоту матери.

Отец же Елизаветы, «добрый король Анри», как называли его подданные, был первым монархом из семьи Бурбонов, вступившим на французский трон после угасания королевского рода Валуа. Невысокий и сухопарый, он никогда не считался красавцем, и к старости не только поседел, но и лишился половины зубов, а оставшиеся были сильно испорчены. По обычаю своей родины (провинции Беарн) он употреблял в пищу много чеснока и лука. «Путь от Пиренеев до Парижа, – пишет о нём Екатерина Глаголева в своей книге «Людювик XIII», – оказался извилистым, тернистым и кровавым».

Король-воин мало заботился о своих нарядах, мог спать в одежде, часами ездить верхом и мылся крайне редко. Однако он обладал неотразимым обаянием и был лишён высокомерия. Генрих IV понимал простых людей, шутил и смеялся их шуткам, а также прислушивался к чужим советам и ценил искренность. Увы, в то же время он был человеком легкомысленным. После развода с бездетной Маргаритой Валуа (знаменитой королевой Марго), он по расчёту женился во второй раз на Марии Медичи, семье которой был должен более 1000000 золотых экю! Однако новый брак никак не повлиял на его привычки. За всю его жизнь у короля было 56 любовниц, не считая случайных связей. Самой любимой его пассией была Габриэль д'Эстре. После того, как её отравили, он встретил Генриетту д'Антраг, которую поселил неподалёку от апартаментов своей супруги (чтобы удобно было их навещать). Когда обе одновременно оказались «в положении», доблестный беарнец цинично приговаривал:

– У меня скоро родятся принц и его слуга...

Конечно, это приводило к постоянным скандалам в королевской семье и дало повод заметить флорентийскому послу:

– Воистину, видал ли кто-нибудь нечто более похожее на бордель, чем этот двор?

Генрих IV хотел, чтобы у его отпрысков было такое же детство, как у него самого – вдали от шумного Парижа, в сельской местности. И выбрал местом их проживания поместье Сен-Жермен-ан-Ле, где когда-то воспитывались последние Валуа, всего в двадцати километрах от Лувра. Именно там поселилась Елизавета со своим братом Людовиком, который был старше её всего на год. Позже к ним присоединились и их младшие братья и сёстры: Кристина, Николя, Гастон и Генриетта Мария. Интересно, что принцы в детстве были смуглыми, полными и не слишком умными, в мать, а принцессы – маленькими, хрупкими и сообразительными, как отец.

Король обычно навещал своих детей по воскресеньям, когда бывал в Париже. Он разрешал им называть себя «папой» и с удовольствием возился с ними. Известен эпизод, когда испанский посол застал его за игрой в лошадки: Генрих IV ползал на четвереньках, катая на своей спине двух малышей. А в июне 1605 года, когда он был прикован к постели из-за приступа подагры, то попросил, чтобы к нему привезли Елизавету с братом. Особенно король любил своего наследника, названного в честь Людовика Святого, основателя дома Бурбонов, хотя и не упускал случая «поучить его розгами», если ребёнок проявлял излишнюю «самоуверенность».

В отличие от мужа, Мария Медичи терпеть не могла эти «воскресные» посещения Сен-Жермена. Возможно, потому, что ещё в 1604 году её муж принял удивительное решение: отныне его законные дети будут воспитываться вместе с его бастардами. Таким образом, в Сен-Жермен переселились ещё его трое детей от Габриэль д'Эстре: Сезар, Екатерина Генриетта и Александр Вандомы; двое от Генриетты д'Антраг: Гастон Анри и Габриэль Анжелика де Верней; и ещё один ребёнок от Жаклин де Бёй: Антуан де Море.

Однако вернёмся к супруге короля. Дочь Великого герцога Тосканы, Мария Медичи провела свою молодость во Флоренции и получила типичное итальянское образование: неплохо рисовала, любила танцы, театр, придворные развлечения, прекрасно разбиралась в драгоценных камнях, занималась ботаникой, химией и арифметикой. При этом была благочестива, но лишена сентиментальности и не испытывала любви к своим детям, кроме, пожалуй, младшего сына Гастона.

Мать королевским детям заменила их воспитательница Франсуаза де Лонгжу, которая вторым браком была замужем за Робертом де Арле, бароном де Монгла. Этот бывший товарищ Генриха по оружию принадлежал к семье, члены которой с XV века из поколения в поколение служили королям Франции, и сменил своего старшего брата на посту первого королевского дворецкого. За внешним же добродушием и преданностью его жены скрывались мёртвая хватка и цепкий ум, благодаря чему она сколотила на своём посту немалое состояние.

Тем не менее, дети Генриха IV были очень привязаны к своей гувернантке и называли её «Маманга» («мамочка Монгла»). Если им случалось разлучаться со своей воспитательницей, они забрасывали её письмами.

Сохранилось послание семилетней Елизаветы, в котором принцесса спрашивала Мамангу, когда ей позволят надеть её самое «красивое платье» и шляпку. А Людовик продолжал писать баронессе де Монгла и после того, как вышел из-под её опеки. Даже став взрослым, он во время осады города Монтобана не забыл написать ей: «Мама, я надеюсь, что вам понравятся эти две строчки... потому что они дают вам уверенность в том, что вы всегда будете пользоваться моей доброй милостью...»

До самой своей смерти в 1633 году Маманга будет получать весточки от своих воспитанников, в том числе, из Испании, Италии и Англии.

Одна из целей воспитания королевских детей состояла в том, чтобы, став взрослыми, они сохранили между собой тёплые отношения. Им также настоятельно рекомендовалось писать друг другу, когда они находились в разлуке. Таким образом, сохранилось множество их писем.

Наиболее близкие отношения у Елизаветы сложились с Людовиком. Принцесса терпеливо выслушивала все жалобы брата и, как могла, утешала его. Очень рано у них вошло в привычку дарить рубашки друг другу.

Поэтому дофина очень беспокоило то, что его сестра должна будет выйти замуж. Так, его личный врач Эроар в своём дневнике рассказывает, что в апреле 1605 года, когда во Франции заговорили о возможном браке старшей дочери короля с принцем Уэльским или испанским инфантом, Людовик заплакал:

— Я не хочу, чтобы сестра уезжала!

Елизавету крестили 14 ноября 1606 года в Овальном дворе замка Фонтенбло вместе со старшим братом и сестрой Кристиной. Крёстным отцом принцессы должен был стать король Англии Яков I Стюарт, но он не смог прислать своего представителя на церемонию из-за разногласий с папой римским. А крёстную мать Елизаветы на церемонии крещения представляла Диана Ангулемская, внебрачная дочь короля Франции Генриха II Валуа.

Как и её сёстры и братья, Елизавета владела основными навыками чтения, письма и арифметики. Благодаря Эроару известно, что принцесса начала учиться письму в четыре года, и очень хорошо справлялась с этой задачей. Успехи сестры растранивали Людовика, которому эти упражнения давались с трудом и он завидовал тому, что она «учится быстрее и лучше, чем он». В отличие от матери, полностью лишённой воображения, Елизавета интересовалась литературой, особенно стихами. И почерк у неё, как видно из писем, был более ровным и разборчивым, чем у её младших сестёр.

Дочери короля получили также религиозное образование,

умели вышивать и рисовать, любили музыку и танцы, но не играли на музыкальных инструментах. К услугам Елизаветы и Людовика был скрипач Антуан Бойло, который обучал их танцам и организовал «бал сестёр короля» в 1609 году. Неизвестно, преподавали ли принцессам латынь, но иностранные языки они точно не изучали. Зато дочери Генриха IV рано научились ездить верхом и принимали участие в охоте. Особенно увлекалась конными прогулками Елизавета.

Также девочки учились вести домашнее хозяйство и осваивали придворные манеры, соответствующие их рангу. В первую очередь их старались подготовить к роли жены и матери королей. С этой целью они участвовали во всех публичных торжествах королевской семьи и придворных церемониях.

Так, в августе 1608 года Эроар записал в своём дневнике: «В семь часов утра прибывает сеньор Винченцо де Гонзага, третий сын герцога Мантуанского, чтобы увидеть его (Людовика), Мадам (Елизавета) прерывает игру, чтобы поговорить с господином Винченцо».

Принцессы также должны уметь поддерживать связи с иностранными послами и другими государями Европы посредством переписки. Ещё их учат покорности: решения короля и общее благо превыше всего. А также готовят к отъезду в другую страну, где дочь Франции должна очаровать своего мужа и быть украшением его двора.

В 1608 году обезумевшая от ревности Генриетта д'Антраг составила заговор против своего царственного любовника, в котором приняли участие также её отец и брат. Хотя Генрих IV простил свою фаворитку, она не унялась и предприняла ещё одну попытку, заручившись обещанием короля Испании возвести на престол её внебрачного сына. За что получила от Генриха окончательную отставку. Тем не менее, Генриетта не смирилась и поклялась отомстить королю.

Как раз в это время отец забрал семилетнего Людовика из Сен-Жермена, чтобы приучить его к роли будущего правителя. Таким образом,

дофин перешёл под опеку гувернёра де Сувре, будущего маршала, и поселился во дворце Лувр. Однако не прошло и года, как 14 мая 1610 года Генрих IV был заколот кинжалом на улице Парижа религиозным фанатиком Франсуа Равальяком. О том, кто вложил ему в руки кинжал: Генриетта д'Антраг, король Испании или другие заинтересованные особы, историки спорят до сих пор. Не исключено также, что Генрих погиб в результате сговора всех вышеперечисленных лиц. Мария Медичи тоже до конца жизни не смогла избавиться от молвы, что сама организовала убийство своего мужа.

Принцессы Елизавета, Кристина и Генриетта Мария занимали ведущее место на похоронах сначала своего отца, а затем – и своего брата Николя, умершего в четыре года. Девочки также принимали в своих покоях иностранных послов и важных особ, которые приходили засвидетельствовать им своё соболезнование. Современники описывали Елизавету того времени как очаровательную девочку, подчёркивая её вдумчивость и доброту – качества, которые она сохранит до конца своих дней.

Новым королём Франции стал восьмилетний Людовик XIII. Теперь забота о братьях и сёстрах легла на его плечи.

– Маленький папочка! – так дети стали называть старшего брата.

Людовик регулярно получал новости из Сен-Жермена от курьера, которого посылал к Маманге. Вместе с письмами он отправлял и подарки, сделанные им собственноручно: например, компот из Фонтенбло или варенье из Орлеана. За младшими присматривала Елизавета, как она это делала и раньше во время отсутствия Маманги. Например, когда Мария Медичи рожала Генриетту Марию и вызвала к себе воспитательницу своих детей, принцесса писала последней: «Мама, я очень беспокоюсь за королеву, мою матушку, пожалуйста, присылайте мне новости, я каждый день молюсь Богу за неё вечером и утром, чтобы она выздоровела... К счастью, я хорошо управляю своими братьями и сестрой, пока вас нет, и заверяю вас, что всё идёт очень хорошо...»

Не знаящая, что такое любовь матери, доброжелательная Елизавета всегда будет стремиться завоевать расположение окружающих. А её брат пожелает остаться в истории «Целомудренным» и «Справедливым» в пику распутной и неразборчивой в средствах флорентийке. Если в раннем детстве воспитание Людовика было направлено на то, чтобы подготовить его к наследованию престола, то, став регентшей при своём несовершеннолетнем сыне, Мария Медичи всячески пыталась отдалить передачу ему власти. В борьбе с оппозицией принцев крови она опиралась на своих фаворитов. По слухам, сначала вдова сделала своим любовником герцога д'Эпернона. «Герцог, – писал королевский чиновник Пьер д'Этуаль в своих мемуарах, – полностью подчинил себе королеву, заставляя её делать всё, что ему захочется».

Его сменил земляк королевы-матери Кончино Кончини, который был женат на Леоноре Галигаи, молочной сестре и любимице Марии Медичи. «После смерти короля он обладал одним из самых крупных состояний в Париже», – утверждает французский писатель Ги Бретон в своей книге «Женщины и короли».

Естественно, Кончини и королева-мать не желали рисковать своими доходами и властью из-за войны с Испанией, к которой готовился перед смертью Генрих IV, поэтому политика Франции резко изменилась.

В качестве разменной монеты здесь выступали королевские дети, чуть ли не с самого рождения занявшие значительное место на брачном рынке Европы. Об этом пишет исследователь Элоди Конти в своей работе «Европейская принцесса от объекта дипломатического обмена до обладательницы власти: политические пути трёх дочерей Генриха IV и Марии Медичи»: «Цель здесь состоит в том, чтобы с помощью браков его (короля) шестерых детей обеспечить максимальное количество союзов, которые позволят Франции оставаться ведущей европейской державой».

Так, например, дофин появился на свет с разницей в пять дней